

Глава 19: Трагическая история

— Вы меня не провезете! Вы наверняка прямиком из лечебницы, не так ли? «Профессор», конечно же — что ж, я никуда не пойду, ясно? Эта старая кошка должна быть там, в лечебнице. Я ничего не сделал Эми Бенсон или Денису Бишопу, и вы можете их спросить, они вам скажут!

— Никто не собирается забирать тебя куда-либо против твоей воли, Том.

— Но вы же врач, не так ли?

— Нет, Том, я профессор.

Том раздраженно выдохнул. Честно, почему все считают его таким наивным?

— Я вам не верю. Я слышу, как миссис Коул и другие говорят, что хотят запереть меня. Они считают, что я не такой, как все.

— Возможно, они правы.

Том сердито посмотрел на старика, пытаясь передать, насколько он разочарован его «проницательностью».

— Я не сумасшедший.

— Хогвартс — это не место для безумцев, это школа; школа магии.

Том замер.

— Ты можешь делать вещи, правда, Том? Вещи, которые другие дети не могут.

— Да, — наконец-то кто-то его понял.

— Расскажи мне о том, что ты можешь делать.

— Я могу двигать предметы, не прикасаясь к ним. Я могу заставлять животных делать то, что я хочу, без дрессировки. Я могу причинять неприятности людям, которые ко мне плохо относятся. Я могу заставить их страдать, если захочу...

— ...Я тоже могу разговаривать со змеями, — простонал Гарри и продолжил бормотать: — Они

находят меня, они шепчут мне...

Он моргнул, словно пытаясь прийти в себя.

— Хогвартс...

Он достал из-под подушки маленькое зеркальце и счастливо улыбнулся Тому.

— Ты получил свое письмо из Хогвартса!

На лице Тома не было ни одной эмоции.

— Как и ты, через год.

Улыбка Гарри стала острой и яркой.

— Я не могу дождаться... Я бы хотел пойти туда сегодня. Я хотел бы пойти туда прямо сейчас.

— Терпение — это добродетель, Гарри.

Гарри насупился с озорной улыбкой.

— Что тебе известно о добродетели?

Мальчик в зеркале едва заметно усмехнулся.

— Очень мало. Все это я слышал со стороны.

Гарри тихо рассмеялся.

— Завтра ведь твой день рождения, верно?

Гарри с энтузиазмом кивнул, несмотря на беспокойство, нарастающее в нем, словно гноящаяся рана. Последние пару месяцев были... напряженными. Том пристально смотрел на него — по-настоящему внимательно, его лицо было непроницаемым, и он отказывался признать, что его отвлекает, несмотря на все попытки Гарри выяснить это, и Гарри не мог не задаваться вопросом, не стала ли вновь расширяться та пропасть, которую им удалось преодолеть с их первой встречи. Он очень на это надеялся.

За полтора прошедших года Том изменился. А может, и нет, но по крайней мере он стал менее... загнанным. С течением времени он начал проявлять эмоции — больше, чем просто гнев, раздражение и удовлетворение (эти состояния Гарри давно отметил как его нормальные); бывали моменты, когда он даже казался обеспокоенным или выражал чувства, похожие на привязанность.

Когда Гарри делился своими страхами и неуверенностью, случалось, что Том воздерживался от насмешек и вместо этого мрачно признавал его признание и предлагал безмолвную поддержку. Порой Гарри мог поклясться, что видел в глазах Тома искреннюю гордость, когда ему удавалось освоить новое заклинание, и хотя Том по-прежнему хранил безучастное выражение лица, когда Гарри называл его другом, он уже не высмеивал и не отрицал это.

А еще была эта история с парселтангом... Том, конечно же, никогда в этом не признается, но Гарри понял, что Том находит очаровательным, как Гарри произносит язык змей, и Гарри научился использовать это себе на пользу.

Том стал более человечным... в некотором роде. Но с его новой открытостью пришло и еще больше доказательств того, что Гарри мог ошибаться, и что Том, как всегда, был прав — Том Реддл не был хорошим человеком. Случались моменты, когда он казался немного... не в себе. Стало очевидно, что он действительно получает огромное удовольствие от своей жестокости и не способен на такие чувства, как сочувствие, раскаяние и горе, которые так легко даются Гарри.

Том никогда не проявлял никакого уважения ни к кому, кроме себя и Гарри, и это... было тревожно. Особенно потому, что по мере течения месяцев Гарри все больше и больше стал вести себя, как Том. Он не считал, что поступает жестоко, нет, и уж точно не был бездушным... но в то же время кража денег у тети Петунии его больше не беспокоила, как и пугание Дадли с помощью «случайной» магии.

Он больше не стремился завоевать одобрение Дурслей и не хотел даже пытаться подружиться со своими одноклассниками. Он никогда бы этого вслух не признал, но они все такие... бессмысленные. Он не хотел причинять им боль или страх, как поощрял его Том... но и не хотел иметь с ними ничего общего.

Том заметил изменения в поведении Гарри и, кажется, был доволен этим. А довольный Том меньше склонен пытаться Гарри по прихоти и больше склонен пошутить. По всей видимости, у Тома Реддла было чувство юмора. Кто бы мог подумать?